

Sergey SLONIMSKY One has to be absolutely independent and free

Сергей СЛОНИМСКИЙ Быть абсолютно независимым и свободным¹

Владимир Горячих. Сергей Михайлович, сейчас вы ведете совершенно новый, разработанный вами специальный курс по мелодике. Я помню, как вы не раз выступали, в том числе и на Ученом совете, с призывом к музыковедом и руководству консерватории сделать такой курс, объясняли его важность для студентов разных специальностей. Печально, конечно, что мы, музыковеды, не торопимся. С другой стороны, ваш курс — уникален, и то, что вы расскажете и покажете молодым музыкантам, им никто другой не расскажет и не покажет. Какие у вас впечатления от курса, как он проходит?

Сергей Слонимский. Начнем с того, что я не собираюсь все время вести этот курс. Намерен с будущего года передать его молодым: попросил Андрея Денисова, ученика Татьяны Сергеевны Бершадской, читать для музыковедов, для композиторов — Настасью Хрущёву, а для студентов исполнительских специальностей — Ивана Александрова. Уже подал об этом докладную записку проректору по учебной работе.

Предмет себя оправдал. Ходят студенты самых разных курсов и специальностей, конечно, композиторы, в том числе и мои ученики — аудитория стабиль-

The final part of the interview with the composer, the People's Artist of Russia and Professor at the St. Petersburg Conservatory Sergey Slonimsky that was conducted in late December 2017.

Keywords: S. M. Slonimsky, music of the XX century, avant-garde music, tradition, melodies, lecture, concert, the Ekaterina Ruchievskaya Competition on music analysis, the St. Petersburg (Leningrad) Conservatory, the St. Petersburg (Leningrad) Union of Composers.

Заключительная часть интервью с композитором, Народным артистом России, профессором Санкт-Петербургской консерватории Сергеем Михайловичем Слонимским. Беседа состоялась в конце декабря 2017 года.

Ключевые слова: С. М. Слонимский, музыка XX века, авангард, традиция, мелодика, лекция, концерт, Конкурс по музыкальному анализу имени Е. А. Ручьевской, Санкт-Петербургская (Ленинградская) консерватория, Союз композиторов Санкт-Петербурга (Ленинграда).

ная. Сейчас дошли до XIX века в историческом обзоре, во втором полугодии будет мелодика русской и зарубежной музыки XIX и XX веков. По материалу курса уже подготовил книгу. В ней, кстати, будет раздел о мелодике Веберна и композиторов Второго авангарда — Люто-славского, Айвза, Ноно, Булеза. Книга, надеюсь, в следующем году выйдет.

В своем курсе мелодики я обращаю внимание студентов на тот факт, что эволюция в музыке идет как бы зигзагами: после полифонии нидерландцев, полифонии строгого стиля и И. С. Баха шел откат в сторону большей простоты. Но уже через два-три десятилетия наступала новая сложность. С этой точки зрения, зрелое творчество Гайдна, Моцарта, Бетховена не менее сложное, чем творчество их предшественников.

Существует мнение, что композиторы-традиционалисты не обязаны владеть новыми стилями и понимать их. Поклонники музыки Рахманинова, те, кто признавали творчество позднего Скрябина и дальше этого не шли, в 1948 году искренне выступали против формализма. Были, конечно, и исключения. Например, традиционалист Гнесин принимал новое в музыке.

¹ Окончание. Начало интервью — в № 1 (53) за 2018 год.

В. Г. Возможно, потому, что сам в молодые годы активно экспериментировал в области вокальной мелодики?

С. С. Да, хотя Гнесин был правоверным корсаковцем, но левого фланга. Так вот, я считаю и студентам это говорю, что люди, которые хотят создавать новое, должны владеть всем, что создано ранее, так же как, например, Монтеверди владел «первой практикой».

В. Г. Уже на первой лекции вы предложили слушателям подготовить к следующему занятию творческие задания — фактически, небольшие опыты в композиции. Они продолжаются, студенты справляются?

С. С. Да, есть удачные примеры, и не только у композиторов. Хорошие работы — на монодию, гомофонию, полифонию и гомофонию-полифонию — приносят также народники, вокалисты, студенты других специальностей. Были задания на сочинение мелодий для разных жанров — песен, балетов, симфоний и так далее. Мои ученики, между прочим, уже начали их использовать в своих сочинениях. Вообще, считаю, что курс мелодики должен быть во всех консерваториях нашей страны.

В. Г. Известно, что в разные годы вы входили в состав различных советов и комиссий, которые присуждали премии в области культуры, а в настоящее время председательствуете в Экспертном совете премии петербургского правительства «Юные дарования». Удавалось ли помочь действительно талантливым людям? И когда было легче разговаривать с чиновниками от культуры — тогда или теперь?

С. С. Еще в 1960–1970-е годы (если быть точным, то с 1964 по 1980 год) я руководил секцией музыкального театра Ленинградского союза композиторов. К рекомендации Союза, хотя она и не имела решающего значения, в то время прислушивались. Все оперы, балеты, мюзиклы, которые тогда обсуждались при моем активном участии, были приняты и в дальнейшем шли на сценах театров. Я участвовал в худсоветах при обсуждении балета «Двенадцать» Тищенко, «Свадьбы Кречинского» Колкера и многих других сочинений. Единственная опера, которую запретили после исполнения ее первой части, — моя собственная, «Мастер и Маргарита». Но зато есть вещи, которые приятно вспоминать. Среди них — то, что я уговорил Самарский театр поставить оперу Пушкина «Гроза»². Мы в Союзе, к слову, договорились, что одно отделение в серии концертов «Петербургская композиторская школа», начиная с февраля, будем посвящать нашим уже ушедшим композиторам. В февральском концерте прозвучит и музыка Пушкина, а также Кочурова, Арапова и Евлахова.

Что касается моей работы в комиссии по присуждению премий мэра Петербурга, то это было в первой половине 1990-х. Из нее, кстати, я вышел по собственному желанию. Тем не менее, кое-что тогда удалось сделать. За те годы, что я был в ее составе, премии от мэрии получили Тищенко, Гаврилин и Баснер (посмертно), хотя по поводу его кандидатуры почему-то возражал Союз композиторов. Мы помогли Петроконцерту спасти свое здание от захвата.

Из совета премии «Юные дарования» я, кстати, тоже хочу уйти — не нравится то, как распределяются финансы, отвергаются многие хорошие вещи. Но все-таки это не было бесплодным: какую-то пользу юным талантам, надеюсь, удалось принести. Они получили поощрение, деньги, возможность выхода на эстраду. Как правило, отмечали все-таки даровитых детей, из которых потом, как показывает практика, что-то получается.

В 1990-е годы с чиновниками было общаться полегче: все-таки на серьезную музыку средства, пусть и не очень охотно, но выделяли. Сейчас же деньги выделяют в основном на шоу, на то, что обеспечит прибыль. Была у нас с Борисом Березовским, возглавляющим петербургское Филармоническое общество, идея — провести четыре концерта из произведений ленинградских композиторов. Мы предложили ее Комитету по культуре. Не дали ни гроша.

В. Г. Сергей Михайлович, обратил внимание, что в последние годы достаточно активно и с большим успехом вновь стали исполняться ваши сочинения 1960–1970-х годов. А планируются ли где-нибудь в ближайшие год-два постановки ваших опер?

С. С. Сейчас — ни одна моя опера не идет на сцене, нет ни планов, ни намерений, ни известий. В Мариинском театре сняли с репертуара балет «Волшебный орех», хотя он шел с аншлагами — говорят, как будто

² Премьера оперы состоялась на сцене Самарского (тогда — Куйбышевского) театра оперы и балета 31 марта 1972 года (примеч. В. Г.).

Быть абсолютно независимым и свободным

из-за невозможности собрать всех задействованных в спектакле артистов.

В. Г. А в Самарском оперном?

С. С. В Самаре шли четыре моих оперы. Но там, как это часто и бывает, все зависело от одного человека — Светланы Петровны Хумарьян. Она долгие годы работала в управлении культуры Самары, десять лет его возглавляла и буквально горела искусством: проводила музыкальные фестивали Мстислава Ростроповича, Юрия Симонова, организовала фестиваль балета имени Аллы Шелест. Во многом благодаря ей Самара превратилась в культурный центр. Но, как только ее убрали — все ушло.

Владимир Юровский с Государственным оркестром в Москве и здесь, в Петербурге, систематически, несмотря на ворчание некоторых коллег, исполняет мои вещи, в том числе оперы. Он давал «Мастера и Маргариту», провел премьеру «Короля Лира». Но это все единицы. Людей, которые имеют характер, совсем не много, в театре тем более.

А возрождение моих сочинений русской тематики 1960-х годов мне, конечно, приятно. «Песни вольницы», «Голос из хора»... — я их очень люблю. К слову, Екатерина Александровна Ручьевская и Михаил Семенович Друскин «Голос из хора» оценили с первого прослушивания. Время все расставляет по своим местам. Сочинения 1960-х, каждое из которых было дискуссионным и подвергалось критике, сейчас вошли в концертный обиход. Сюита из оперы «Виринея» прекрасно живет в Капелле у В. А. Чернушенко. «Голос из хора» неоднократно звучал в разном исполнении. Например, у Николая Корнева и у Александра Титова очень рельефно высвечивалась чисто мелодическая природа музыки этой кантаты.

Возможно, через несколько десятилетий придет очередь и более поздних сочинений. Надежда теплится... С другой стороны, моя музыка попала уже в интернет, в том числе и новые сочинения, ее записи размещаются

на YouTube. Хотел бы отметить великолепное исполнение Владимиром Альтшулером 21 симфонии (по «Фаусту» Гете) и 33 симфонии. Алим Шахмаматов прекрасно сыграл 31 симфонию. Там уже тысячи просмотров. Благодаря интернету эти исполнения живут, уже не останутся одноразовыми. Иван Александров возродил мою фортепианную сонату, Николай Мажара очень талантливо, по-листовски исполнил «Колористическую фантазию», выявив в ней лучшее.

В. Г. Сергей Михайлович, в этом году всероссийский конкурс по музыкальному анализу, который мы — ученики и коллеги Екатерины Александровны Ручьевской — проводим для учащихся музыкальных колледжей, школ при консерваториях и лицеев, посвящен вашему творчеству. Что бы вы хотели пожелать юным музыкантам-исследователям, вообще — юным музыкантам?

С. С. Моя alma mater — школа-десятилетка при нашей консерватории, которую и сейчас очень люблю. Ее учащиеся и педагоги заслуживают всяческой поддержки и внимания. Когда я в ней учился, мы, школьники, старались не пропускать ни одного важного музыкального события, ходили на все премьеры — сочинений Прокофьева, Шостаковича, Мясковского, Щербачева, Шебалина... Впечатления были настолько яркими, что, например, дирижерские интерпретации Мравинского запечатлелись на всю жизнь. А сейчас на концертах не только учеников десятилетки, но часто даже студентов консерватории не вижу — это тревожит, очень серьезно меня беспокоит. Я пожелал бы юным музыкантам, прежде всего, иметь возможность и желание посещать филармонические концерты, выбирая, в первую очередь, редко исполняемые сочинения — как классические, так и современные, «нераскрученных» артистов и свежие программы. Желаю, чтобы они находили сохраняющиеся очаги культуры, поддерживали их жизнь и всеми силами раздували этот огонь.

С. С. М. Слонимским беседовал В. В. Горячих

Авторский вечер
С. М. Слонимского
в Малом зале А. К. Глазунова.
18 октября 2013 года